

НАШЕ НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. Каким оно стало и каким должно было быть

Игорь Васильевич Бестужев-Лада

Редакция публикует неизданные статьи Игоря Васильевича Бестужева-Лады в память об этом выдающемся человеке. Академик РАО, социолог и футуролог, специалист в области прогнозирования, доктор исторических наук, профессор, Игорь Васильевич долгое время возглавлял Российское педагогическое общество, активно сотрудничал с нашим издательством — был его автором и большим другом, членом редколлегии. Это один из тех учёных, кто не замыкается в тиши своего кабинета: статьи как живой отклик на события в стране, книги, выступления в учебных и научных институтах и творческих клубах, на радио и телевидении — всей своей деятельностью он активно влиял на умонастроения общества и особенно молодёжи. В 1970-е годы, когда в Центральном доме журналистов выступал Бестужев-Лада (а происходило это довольно часто), в конференц-зале яблоку негде было упасть. Его мысли — откровенные и весьма острые по тем временам (до плюрализма было ещё далеко) вызывали такой горячий отклик в аудитории, что зал несколько раз во время его выступления взрывался аплодисментами (далеко не каждому гостю «Домжура» выпадала такая ораторская судьба).

Его прогнозирование, ничего общего не имеющее с предсказаниями волхвов и современных прорицателей, базировалось на строгом научном расчёте технологического прогноза. А это глубокое осмысление социальных процессов, выявление проблем и определение способов их решения. Задолго до эмигрантского бума в Европе Бестужев-Лада предупреждал: «В Африке, в Азии и на Ближнем Востоке миллионы людей, не имеющих работы и условий для жизни, рвутся в Европу». В начале 1990-х о демографической ситуации в нашей стране, ещё не знающей наплыва гастарбайтеров, он опубликовал в «Литературной газете» блистательную статью о приближающемся времени, когда «последняя Марья выйдет замуж за последнего Ивана». И только раз он выполнил роль провидца, «оракула судеб», предсказав в 2002 году, что президентом США в ближайшем будущем станет чернокожий кандидат.

Как член Российской академии образования, как человек очень заинтересованный, Игорь Бестужев-Лада много внимания уделял проблемам качества образования в России. Резко, аргументированно критиковал руководство и членов РАО за их барствено-олимпийскую клановость, за научное равнодушие к образованию во время коренных перемен в стране. В 80-х годах школа рванулась к творческой свободе словно мустанг-иноходец, сорвавшийся с лассо охотника за дикими лошадьми. Но... не вооружённая научными основами новаторства и профессиональной свободы, захлебнулась в потоке лжеинноваций, самодельных «развивающих программ», «формирования врождённой грамотности» и в избыточном стремлении достичь педагогических высот здесь и сейчас, и — немедленно! Так не бывает, о чём громко, принципиально, очень убедительно

тельно говорил в статьях и в книге Бестужев-Лада. До сердечной боли боролся он за «...нормальную систему образования, которая сейчас выжила из ума»... Об Игоре Васильевиче — человеке можно рассказывать бесконечно. О нём мы часто говорили с его дочерью Светланой Игоревной, которая работала одно время в журнале «Народное образование». Но лучшей характеристикой стал его ответ на вопрос Марселя Пруста, заданный Владимиром Познером во время их телебеседы: «Что Вы ненавидите больше всего?» Не думая ни секунды, Игорь Васильевич ответил: «Больше всего не люблю насилие над слабым». А самой привлекательной чертой в человеке всегда было для него милосердие... Публикация его статей — скромный венок на алтарь нашей памяти о видном учёном, человеке, нашем коллеге и друге.

Вдореволюционные годы и в первые три с лишним десятилетия после Гражданской войны основным учреждением образования в России была так называемая «домашняя школа». В массовой тогда многодетной семье родители передавали детям словно по наследству свою профессию, мировоззрение, стереотипы сознания и поведения, составляющие суть настоящего, не просто пустословного воспитания, наконец, все знания, умения, навыки, необходимые будущему отцу или матери семейства. И к пятнадцати годам молодой человек переставал быть подростком, был готов в любое время создать новую семью. Там, где знаний родителей было недостаточно, на помощь приходило обучение непосредственно по месту производства. Ко всему этому добавлялась значительных масштабов безработица («аграрное перенаселение».) Поэтому создавать школу, дублирующую «домашнюю», мог только сумасшедший.

Зато имел место отчаянный дефицит дипломированных специалистов. Достаточно сказать, что инженеров, как машины, приходилось выписывать за золото из США и Германии. Поэтому советская школа с начала 1920-х годов была (и по инерции остаётся до сих пор) целиком и полностью ориентированной на подготовку в вуз. И только на это. А в вуз поступает не более 15% молодёжи, да и из тех отсеивается по способности не менее трети. Для остальных современная школа — просто китайская грамота, напрасно потерянные десять лет жизни. Вопиющий анахронизм, существующий только по инерции, вот что это такое.

К этому выводу советские партия и правительство пришли весной 1974 г., когда выявился огромный переизбыток дипломированных специалистов, и когда инженер, врач, педагог (в значительной мере посредственные или даже заведомо плохие) стали получать не вдвое более (как раньше) станочника, водителя, строителя, а совсем наоборот. Тогда с самой высокой партийной трибуны прозвучала директива: наша общеобразовательная система нуждается в серьёзном совершенствовании. Т.е. в реформе. Но, как видим, никакой реформы до сих пор нет. Точнее, она автоматически произошла со сменой государства, но совсем не такая, какой ожидали.

Первоначально решение казалось простым. Из каждых четырёх школьников трёх в ПТУ, а четвёртого — в университет. Но когда сообразили, чей именно сынок или дочка обязательно окажется «четвёртым» и какой социальный взрыв за этим последует — махнули рукой. Поняли, что такое может произойти только в совсем ином государстве, какое и не замедлило воспоследовать.

Уточним, что любое государство в мире состоит из пяти классов (страт), различных по уровню, качеству и стилю жизни: высший (мультимиллионеры и миллиардеры), выше-средний (богатые), средний (зажиточные), ниже-средний (бедняки), низший (нищие). В благополучных

странах — например, в Швеции — средний класс составляет подавляющее большинство (более 90%), высше- и низшее-средний — примерно по четыре процента. А сверхбогатые и нищие по одному. В сверхбогатые выбраться трудно — задавят налогами (до 98% сверхвысоких налогов). В нищие можно попасть только с помощью алкоголя или ещё более сильного наркотика, либо любой другой жизненной катастрофы. Разумеется, в неблагополучных странах пропорции существенно иные.

Так, в царской России высший класс составляли дворянство и крупная буржуазия. Высшее-средний — мелкая буржуазия. Средний — квалифицированные рабочие и крестьяне-середняки. Низше-средний — чернорабочие и крестьяне-бедняки. Низший — кочевые «инородцы». В СССР соответственно — «партгосноменклатура», верхушка рабочих и служащих, основная масса рабочих и служащих, низкооплачиваемые рабочие и служащие, колхозники. В постсоветской России — олигархият (1,5% — так много за счёт ограбления основной массы населения), чиновничество (10%), квалифицированные рабочие и мелкие предприниматели (10%), низкооплачиваемые работники (50%), нищие (при Ельцине жившие за счёт своих пресловутых «шести соток», «даров реки и леса», а также повального воровства. Их удельный вес доходил до трети населения — таковы были масштабы ограбления народа. Сегодня, говорят, его удалось снизить более чем вдвое.

Уточним, что до сих пор мы говорили об официальной, так сказать, «световой» экономике. Но не секрет, что наряду с ней существует соперничающая с ней по масштабам «теневая экономика», где расклад доходов совсем иной. Вот почему скромный служащий, формально денег у которого может хватить только на метро, раскатывает в роскошной иномарке, а его загородной вилле может позавидовать любой монарх. Поэтому принадлежность человека к тому или иному классу общества в России следует опреде-

лять не по его удостоверениям, а, как говорится, по факту.

Укрупняя эти данные, можно с большой долей уверенности утверждать, что примерно 20% россиян живут более или менее зажиточно, могут позволить себе хорошую квартиру и дачу, хорошее питание и одежду, хорошую автомашину, а то и две, один-два раза в год съездить отдохнуть на море, в том числе и за рубеж. И так далее. На долю остальных 80% остаётся скверная квартира с комнатами минимум на двоих. Скверные питание и одежда, сугубо общественный транспорт и туризм до ближайшего леса или речки.

И соответственно две совершенно различные системы образования.

В одном случае — совершенно независимо от способностей и склонностей ребёнка — большими деньгами и индивидуальным подходом прокладывается надёжная дорожка от элитной дошкольной группы до элитного же класса в элитной школе (вариант: зарубежное учебное заведение), далее — элитный вуз (при желании продолженный аспирантурой и докторантурой), наконец, конечная гарантированная цель: уютное кресло у компьютера в возможно более солидной фирме или равноценный по престижу чиновничий стол.

В другом случае — десятилетнее сосуществование со школьной шпаной из неблагополучных семей, бесконечные учительские двойки и поборы. Словом, всё, как в армии: дедовщина-то начинается с первого класса школы. Затем снова проблема с армией, «откосить» от которой меньше всех удаётся всё тем же выходцам из неблагополучных семей. И, наконец, поиски работы, когда за плечами никакой профподготовки.

Как говорится, почувствовали разницу?

И всё перекрывает удручающий факт: вся система народного образования — от первых университетов до последних детсадыков — целиком вошла в сферу «теневого

экономики». Нигде шага не ступить без купюр из рук в руки.

А, как известно, никакая теневая экономика никакой реформе не поддаётся по определению. Ведь это означает, как минимум, значительное уменьшение «теневых доходов» профессорско-преподавательского состава. Поэтому её, как Америку у Маяковского, можно только закрыть, а потом опять открыть. Качественно новую. В совершенно ином виде.

* * *

Итак, ни о какой радикальной школьной реформе при сложившихся условиях практически не может быть и речи. Её не допустят ни учителя, ни их начальство, ни полностью зависимые от них родители. Ну а самих учащихся смешно даже спрашивать.

Остаётся помечтать об отчаянно необходимой реформе чисто теоретически. И за последние более чем полвека это делалось неоднократно. Правда, в рамках чистейшего пустословия.

Прежде всего, никто не сомневается, что прословутый школоцентризм — сведение системы народного образования только к начальной, средней и высшей школе — это плохо. Помимо этих трёх подсистем существует ещё по меньшей мере полдюжины не менее важных: образование родителей, дошкольное образование, повышение квалификации и переподготовка кадров, военная подготовка, общее самообразование, дополнительное образование. И все шесть — в самом позорном состоянии. Практически их как бы вообще нет.

Между тем яснее ясного, что педагогически неграмотный родитель — это беда государственных масштабов. Очередь в детский сад, взимание платы за ребёнка, плохая подготовка к школе — это сумасшествие. Выдача пожизненных аттестатов и дипломов, когда знания безнадежно стареют каждые несколько лет, — это всё равно, что передавать их по наследству, лишение школьников элементарных военных знаний в условиях международного терроризма — просто преступление, без пожизненного общего самообразования любой дипломированный специалист — просто позорный монстр, наконец, без дополнительного образования (лю-

бого!) человек как бы обкрадывает сам себя, становится неотличимым от типичного завсегдатая у пивного ларька.

Наша школа сделала гигантский шаг вперёд в процессе перехода от обезьяны к человеку, отказавшись от батога, розог, стояния в углу на горохе и т.д. Но всё ещё не понимает, какое зверство — публично позорящая двойка с неизбежной поркой дома. Есть ли спасение? Да, есть. Вместо одной, огульной для всех учебной программы (учебника) необходимо предоставить школьнику выбор из целых пяти вариантов: для особо одарённых, для «продвинутых», стандартный, облегчённый, ознакомительный. Ясно, что пятёрка по последнему варианту не равна даже тройке по первому или второму. И на физфак, вообще на вуз, лучше не замахиваться. Зато автоматически исчезают проклятые розги, хотя и виртуальные.

Ныне общеизвестно, что с развалом семьи, при переходе к городскому образу жизни, неизбежно начинается депопуляция (вырождение, вымирание населения). Начинается она и у нас; детей становится меньше, чем пенсионеров. И чтобы будущий малочисленный взрослый прокормил будущих многочисленных пенсионеров, нужно создать все условия для нормального взросления ребёнка.

Современная российская школа

Самый большой грех российской школы — отношение к дошкольникам. Очередь в детские сады, плата в якобы бесплатной системе образования, поборы, взятки — словом, все «прелести» «чёрного рынка». Да разве к одним детским садам это относится? Вся система народного образования давно стала фактически отраслью «теневой экономики». Предприятие по продаже «корочек» — вот что это такое. Пора бы с этим безобразием заканчивать. Говорят: вы же хотели капитализма — вот

и получите. Извините, это не капитализм. Посмотрите на Запад, на то, что мы привыкли ругательски именовать капитализмом — ничего похожего! Зато очень похоже на продолжение щедринской истории города Глупова.

И в области народного образования — в особенности.

По всем статьям давно взрослые семнадцатилетние молодые люди «отмечают» окончание так называемой общеобразовательной средней школы. Естественно, как и их родители, со спиртным. Большинство курят, даже не подозревая, что сокращают себе данную им природою жизнь примерно на треть. Хотя страстно хотят чуда: всячески издеваясь над собственным организмом (никотин, алкоголь, ещё более убийственные наркотики), пожить безболезненно по меньшей мере сотню-другую лет. Да разве можно не пить и не курить, когда на телеэкране вроде бы вполне приличные люди, достойные подражания, только этим и занимаются?!

Хуже всего, что выпускники средней школы понятия не имеют, куда идти дальше. Ясно одно. Хорошо бы в институт. Всё равно, в какой. Но чтобы не вылететь из него, даже если повезёт, после первой же экзаменационной сессии, нужно превратиться из школяра, которого «натаскивают», в студента, который способен сам изучать что-то под руководством преподавателя. Таких у нас не больше 10–15% выпускников школы. А остальные? Ведь их подавляющее большинство! Выход найден: сидеть на шее родителей, подрабатывая, где придётся, пока не попадёшь замуж или вахтёром (любимая профессия россиян). Есть ли другие предложения? Есть, и немало. Только для этого необходима целая революция в мировоззрении.

Например, попытаться с самых низов поработать в области, к которой чувствуешь склонность и способность. Или пока

не чувствуешь, а потом оказывается: самое ОНО! Лучше всего, когда этим начинаешь заниматься ещё старшеклассником. Но для этого, конечно, нужны соответствующие условия.

Для пущей убедительности сошлюсь на собственный трагикомический опыт. С четырёх лет, как только самостоятельно научился читать, взрослое мужское население вокруг меня разделилось на две неравные части: красноармейцы и красные командиры (золотопогонники-офицеры временно оказались в стане врагов), с одной стороны, а все иные-прочие, независимо от пола, — с другой. Понятно, очень хотелось попасть в отнюдь не ряды «прочих». Поэтому начался «поход в армию», а она в те годы (после войны) стремительно сокращалась, и только «очкариков» в ней не доставало. Словом, в армию я так и не попал, но научную карьеру всё же начал не кем-нибудь, а военным историком. Вот что значит годами искать. И, наконец, найти себя в жизни. И неважно, что жизнь забросила меня потом в совсем иные веси. Важно, что я нашёл себя в жизни. Что, как все знают, далеко не у каждого получается.

Существует ненаучная догма, в которую мы слепо верим, хотя жизнь убедительно доказывает нам её несостоятельность. Будто люди якобы одинаковы. Равны — желательно. Одинаковы — категорически нет. И с этим приходится считаться. Не считаешься — школа автоматически превращается в казарму, которую приходится терпеть, но невозможно полюбить. Возможно ли преодолеть такое огорчение? Оказывается, да. И средство-то очень простое. Желательно, чтобы тебя, как в хорошей семье, возможно чаще не ругали, а, наоборот, хвалили. Тогда жизнь автоматически превращается в счастье. Однако просто так само собой это не получается. Требуется тяжкий педагогический труд.

Чтобышний раз убедиться в этом, попробуем провести педагогический эксперимент, на первый взгляд представляющийся фантастическим, но на самом деле не выходящий за рамки реального. Представим себе, что преподавание в классе ведётся не по одной, а по целым пяти программам — на выбор каждого ученика. Одна, самая завидная — для особо одарённых. Но как быть, если ты «не особо»? Тогда просто для «продвинутых». Не потянешь — бери основную, стандартную. И эта затруднительна? Ничего страшного (унизительного). Получай пятерку по облегчённой и ходи гоголем. Застрял даже на этой ступени? Выбирай самую простую (ознакомительную). Следующая, последняя ступень — неквалифицированный разнорабочий. Но зато никаких насмешек одноклассников и никакой драмы дома. Только не лезь с ознакомительной программой в институт — вот тут уж точно засмеют.

А теперь попробуем представить себе школу будущего, к которой мы стремимся всей душой, но никак не доберёмся. Во-первых, начинается она не с семи, а с трёх лет, во-вторых является всеобщей и бесплатной (любая копейка с родителей приравнивается к грабежу на большой дороге), в-третьих, преподаётся в ней этика (чтобы из русского языка исчезло обидное, но неизбывное слово «хамство»), эстетика (чтобы не каждый выглядел и вёл себя как типичный обитатель очереди у пивного ларька), физическая культура (чтобы не выглядеть в 30 лет, как в 60 на пороге кладбища, хотя первоначальный кредит даден тебе природой на все 90, а то и больше), профессиональная культура, любая, за которую уважают, а не сажают, духовная культура, единственное, что отличает человека от прочей домашней живности.

Главное же, возможно раньше сообразить, что в школе не просто учатся, а ищут и находят свой путь в жизни. Очень плохо придётся в жизни, если так и не нашёл или заблудился на этом пути! Но ведь находит подавляющее большинство. Что же ты, у поля обсевок, что ли? Жизнь затянула в компанию шпань? Собери в себе волю найти нечто более приличное. Не обязательно со скандалом. Нашёл — и до свидания. Вон

сколько добропорядочных и интересных людей вокруг! Порой и одного (одной) за глаза довольно. А потом вместе ищем увлекательное занятие, которое впоследствии приведёт к подходящей работе. У 999 ребят из тысячи это получается. Почему же тебе обязательно оставаться горемыкой «тысяцким»? Никак не можешь разобрататься сам с собой в одиночку?

И эту беду научились разводиться руками. Изобрели лекарство, которое называется «клуб по интересам».

Не обязательно художественная самодеятельность. Любая, лишь бы не хулиганская. И, как в старом «бородач» анекдоте про алкоголика, который с горя-тоски вздумал повеситься, но углядел в углу давно забытую початую четвертинку и воспрял духом: «Ба, да жизнь-то налаживается!» Вот мы и разработали Конституцию идеальной школы будущего, ходить в которую не как в амбулаторию на укол, а как на свидание с любимой (любимым). В этой Конституции всего десять статей.

1. В идеальной школе не учатся, а ищут путь к работе и жизни, в которой бы тебя уважали, а не презирали, хвалили, а не ругали. И, поверьте, очень многим это удаётся. Иначе любое человеческое сообщество давно рассыпалось бы в прах.

2. В идеальной школе, если ты ведёшь себя прилично, не унижают, а уважают, даже если неважно с успехами. Конечно, если видят, что ты честно трудишься (а учёба — такой же труд, как и все прочие его разновидности). А если не честно — за что же тебя уважать? Если не честно — значит, жулик, халява, халтура.

За это не уважают, а презирают. Даже друг друга сами жулики, мошенники, тунеядцы.

3. В идеальной школе родителей не «вызывают», а приглашают. Если

необходимо — совместно с их детьми, чтобы вместе обсудить возникшую проблему и вместе найти способ её решения.

4. В идеальной школе — не обижают друг друга грубыми словами и уж, конечно, не дерутся. Это не для юных леди и джентльменов. Это для низкого простонародья любого возраста. Проще говоря, для шпаны обоего пола. Короче, это достойно презрения.

5. В идеальной школе каждый класс состоит из компании друзей на всю жизнь, которые встречаются потом десятилетиями и каждая встреча — как коллективный день рождения. Конечно, одни — стопроцентные друзья. Как говорится, водой не разольёшь. Другие — просто приятели или даже просто добрые знакомые на всю жизнь. Разве это хуже обычного равнодушия, когда к одноклассникам относишься, как к случайным встречным-прохожим на улице?

6. В идеальной школе соклассники относятся друг к другу всю свою жизнь как друзья детства, выросшие в одном селе или в одном дворе.

7. Согласен, что далеко не все школы идеальные. Увы, пока что это скорее исключение, чем правило. Я по жизни прошёл полдюжины школ в разных городах страны. Была такая, что на переменах не отличишь от тюремного двора без надзирателей. Но и такая, что очень близко к идеальной. Правда, последняя — в годы войны, да ещё на рабочем Урале. Так что каждый ученик, оставаясь в своих годах, выглядел и вёл себя, как взрослый. Но неужели обязательно нужна война, чтобы исчезла шпана?

8. Просто так, само собой, идеальная школа не складывается. Её складывает какое-то общее дело (за рамками учёбы). Не важно какое. Благоустройство школьного двора и, как водится, вконец загажен-

ных окрестностей. Турпоход, к которому месяц готовятся, и ещё два — только о нём и разговоров. Музей, который бывает интереснее турпохода. Встреча с интересным человеком, о котором спустя полвека вспоминаешь, как если бы встретился с Пушкиным или Ломоносовым.

9. Вряд ли можно признать идеальным, если рядом — идеальная школа, а вокруг — то, что мы видим вокруг от Смоленска до Владивостока и от Архангельска до Краснодара.

10. Вот мы и подошли к одной из самых важных идей, поважнее любой олимпиады — как нам от школы такой, какова есть, добраться до той, какой бы она должна быть. Безо всякой научной или ненаучной фантастики.

Ученье свет и ученье тьма

Под таким заглавием один молодой кандидат наук (не педагогических) полвека назад принёс рукопись в редакцию газеты «Известия». Бегло просмотрев, редактор вернул её автору с вежливым пояснением: «Советские газеты антисоветские статьи не печатают». Хотя автор и не помышлял о чём-то антисоветском. Он признавал в рукописи, что советская система образования была и остаётся одной из сильнейших в мире. Вместе с тем, указывал на наличие в ней некоторых... ну, скажем, несообразностей, что ли, — которые с позиции элементарного здравого смысла просто непостижимы.

Например, зачем такая прорва иксов-игреков-синусов-косинусов каждый день много часов, если заведомо известно, что 90% выпускников средней школы (считая половину попавших в вузы) никогда в жизни не вспомнят о них? Да и из оставшихся лишь считанным процентам придётся мыкаться с этой заумью. Зачем столько времени на бесчисленные задачи и формулы

по физике и химии, если лишь доля процента станет физиками и химиками? Зачем такая неудобоваримая биология, если в биологи пойдёт отнюдь не больше? Зачем «литература», больше смахивающая на милицейские протоколы и заведомо отталкивающая школьников от собственно литературы, вообще от искусства? Зачем «история», состоящая из скучного перечня имён и дат, которые тут же улетучиваются из памяти? Зачем «география», сообщающая, что в Ливерпуле — одна промышленность, а в Манчестере — несколько иная (и через несколько лет всюду вообще станет иной)? Зачем «иностранный язык» в час — то бишь в неделю — по чайной ложке, с выходом в свет по этой части такой же девственницей обоёго пола, какой пришёл в школу? Зачем издевательство над человеком под готом класса под видом пресловутой «физры»?

И почему не преподаётся ровным счётом ничего, в чём так отчаянно начинает нуждаться молодой человек по выходе из школы (даже раньше)?

После такого афронта автор за последующие полвека ни разу не написал ни одной статьи по собственной инициативе. Зато его разными способами заставили написать и напечатали более двух тысяч статей по различным темам, в том числе несколько сот — именно по этой (не считая двух книжек и полудюжины брошюр по ней же). И ведь не один же он тщетно вопиял в российской пустыне! Сказать, что наша школа не претерпела за эти полвека никаких изменений, было бы преувеличением. Но и сказать, будто все перечисленные выше несообразности остались в прошлом — тоже. Российская система образования по-прежнему одна из сильнейших в мире. И по-прежнему страдает теперь уже почти вековыми пороками, против которых и учителя, и их начальство, до правительства включительно, полностью бессильны. Потому что существуют причины, которые сильнее учителей, их начальства и родителей (т.е. граждан страны), вместе взятых.

А ведь пороки нешуточные. В печати приходилось встречать оценки специалистов, согласно которым школа превратилась во второй по масштабам (после «неблагополучной семьи») социальный источник преступности,

а за последнее десятилетие — в самую отвратительную разновидность «чёрного рынка». Как говорится, есть от чего в отчаянье прийти.

Полвека назад думалось, что всё это от недопонимания пополам с недоразумением. Сегодня богатый жизненный опыт показывает, что смысл в этой бессмыслице всё же есть. Только его трудно раскрыть и ещё труднее — поправить.

В английской армии минувших веков на чин офицера, дающий право командовать ротой или батальоном, надо было покупать патент, стоимость которого равнялась почти годовому доходу «средней» семьи. Казалось бы — самоубийственная глупость: ведь дурак с тугим кошельком погубит армию! Но там требовался не только патент, а ещё и согласие офицеров полка, не говоря уже о начальстве. А патент надёжно «отсекал» выходцев из «низов», оставляя командные посты в руках аристократии.

В Древнем Китае экзамен на должность чиновника требовал многолетней зубрежки целой горы классических текстов, абсолютно бесполезных в жизни. Казалось бы, таким способом китайцы сами себе копают могилу, потому что для управления государством нужны способности, а не цитаты. А на деле таким путём воспитывалась армия безынициативных чиновников-автоматов, которые больше тысячи лет механически выполняли указания свыше и застопорили развитие страны. Казалось, Китай застыл в своей неизменности навеки (к чему и стремились). Но такое удволение обошлось впоследствии слишком дорого.

В царской гимназии латинский и древнегреческий мог понадобиться в жизни доле процента выпускников. Зачем же мучили остальных? А затем, что таким способом от гимназии отсекали «кухаркиных детей», которым такая

бессмысленная роскошь была не по карману.

Примерно такой же глубинный смысл лежит в бессмыслице нашей школы. Напомним, что она создавалась в 1920–30-х годах, когда обстановка была иная, и задачи, стоящие перед школой, соответственно, тоже. Жизни учила тогда давно (в 60–70-х годах прошлого века) исчезнувшая «домашняя школа», существовавшая в каждой многодетной семье, каких было подавляющее большинство. Там профессия (включая профессию родителя), мировоззрение, стереотипы сознания и поведения передавались как бы по наследству, из поколения в поколение. Кому мало было «домашней школы» — шёл учеником в ФЗУ (фабрично-заводское училище) или непосредственно учеником на производство. Короче, с обычными («недипломированными») специалистами особых хлопот не было — их каждый год приходило подростками из семей навалом, да ещё в условиях огромной безработицы, которую с трудом сделали «скрытой», посадив на многие рабочие места по два и более кормильцев семьи (с соответствующей зарплатой).

А вот с «дипломированными» была отчаянная проблема. Дело доходило до того, что инженеров приходилось выписывать из-за границы «на золото», как предметы роскоши. Меж тем было во всеулышание объявлено, что вот-вот — и мы будем «при социализме», а там и «при коммунизме», где никаких «недипломированных» не предполагалось — сплошь «всесторонне развитые личности».. Соответственно формировался социальный заказ школе.

Если бы у нас была хоть капелька совести, мы бы давно сменили вывески на всех шестидесяти тысячах наших школ. Вместо пустословной «средней общеобразовательной» написали бы честно: «подготовительные курсы в вуз». Ибо всё, о чём писалось выше, преподаётся не для будущей работы, вообще не для жизни, а с единственной целью: сдать приёмный экзамен в вуз и навеки за-

быть об этом кошмаре. Теперь понятно, почему с утра до вечера каждый день такая абракадабра?

Но позвольте, спросит очень дотошный ныне читатель, ведь на экзамены в вуз идут далеко не все абитуриенты, выдерживает их не более 20% выпускников, из которых не менее трети «отсеиваются» если не с первой, то наверняка со второй сессии. А уж работать по специальности вообще идут сплошь и рядом считанные проценты. Ибо в вуз и далее сегодняшний студент идёт вовсе не за специальностью, а по сложному комплексу причин, которые требуют особого разбора. И зачем тогда вся эта морока, доставшаяся нам в наследство от времён, весьма отдалённых?

Прежде чем спорить по этому поводу, давайте зададимся некоторыми вопросами, которые неоправданно представляются само собой разумеющимися.

Почему повелось отдавать детей в школу с 7–8 лет (теперь даже раньше)? Потому что именно с этого времени их можно было начинать учить читать, считать и писать — это «домашней школе» было не по силам. А до этого они одолевали уйм жизненных наук при помощи старших в семье. Теперь «домашняя школа» приказала долго жить, а мы делаем вид, будто она ещё существует, и ребёнок до семи лет находится в ней или в детсаде, куда его сдают, как в камеру хранения, за особую плату, словно он не человек, а чемодан: хочешь, плати и сдавай — не хочешь, пусть пропадает пропадом в дворовой мафии. Нечего сказать, заботливые мамы и папы, разумные граждане страны!

Почему повелось выпускать молодых людей из школы в 17–18 лет (теперь даже раньше)? Потому что аккуратно в это время парни шли в армию, а девки — замуж. Теперь в армию идут 14% абитуриентов (меньше, чем в вузы), а замуж в эти годы — ещё меньше. Потому что семья в развале и две трети даже тех, ко-

му сильно за двадцать, в лучшем для них случае живут гражданским браком без детей. А то и вообще изображают из себя Герасима без своей Муму.

Что прикажете делать этим особам в их 17 лет? На работу им трудно приткнуться: у нас и без них несколько миллионов безработных, «общеобразовательная» школа никакой квалификации и даже элементарной профориентации не даёт, а малодетная семья (90% наших семей!) ни за что не пустит своего ненаглядного (ненаглядную) на непрестижную, пусть даже прилично оплачиваемую, работу — предпочтёт держать на своей шее до самой его, любимого чада, пенсии. Вот и остаётся у 17-летних только три пути: либо годами на родительском диване у родительского телевизора, либо в дворовую компанию с высоким шансом оказаться сначала «на игле», а потом и на скамье подсудимых, либо на студенческой скамье — любой, лишь бы подальше от только что помянутой (и от армейской «дедовщины» тоже). И это называется «высшим специальным образованием»? И нам не стыдно за такую профанацию, за такой дикий ажиотаж под лозунгом «спасайся, кто где и как может!»? Ну, а там, где ажиотаж — там сразу же «чёрный рынок», чёткая такса за поступление, за экзамен, за «корочки»...

Неужели нет выхода из этого вопиющего безобразия? Нет, почему же — теоретически выход простой и лёгкий. А вот практически ...

В секторе социального прогнозирования Института социологии Российской академии наук (этого сектора больше не существует) в 1995–2000 гг. провели мониторинг — многократный опрос наиболее авторитетных экспертов по разным методикам — на тему «Ожидаемые и желаемые изменения в системе народного образования России». И даже выпустили по результатам опроса книгу под якобы интригующим названием: «Нужна ли школе реформа?» Опрос показал, что эксперты не только понимают серьёзность школьных проблем — покажи им эту статью, они, наверное, обвинили бы автора в «приукрашивании действительного положения дел, гораздо более плачевных» — но и предлагают более или менее конструктивные, отнюдь не фантастические решения.

В частности, прозвучало предложение создать особую подсистему образования родителей (на началах самокупаемости). Образование будущего родителя начинать со школьных лет, с особым упором на информацию об особенностях половых отношений. А завершать стажировкой молодых родителей в роли помощника воспитателя детсада и учителя начальной школы (по внеклассной работе).

Было и предложение об особой подсистеме всеобщего дошкольного бесплатного образования детей 3–6 лет. С детальной методикой и даже с успешными экспериментами, не получившими, впрочем, никакого развития.

Слышались пожелания полнее учитывать специфику начальной школы («Осторожно! Дети!!») и упразднить неполную среднюю школу для подростков 10–14 лет, преобразовав её в полную, поскольку в 14 лет молодой человек сегодня получает паспорт гражданина страны. А гражданин без аттестата зрелости — это такой же абсурд, как пенсионер без пенсии.

Самые отчаянные страсти разгорелись по поводу судьбы молодых людей 15–20 лет (не путать с пресловутыми мифическими «детьми до 16 лет», которых в природе не существует). Большинство экспертов рекомендовало для них профессиональный колледж, со сдачей профильных и общеобразовательных минимумов, как у аспирантов, с основной производственной практикой и затем ещё более основательной стажировкой по месту будущей работы, завершающейся соответствующим сертификатом (дипломом колледжа). Важное место в эти годы должна занимать военно-спортивная подготовка на таком уровне, чтобы в итоговом аттестате красовалась квалификация по меньшей мере ефрейтора. И для юношей, и для девушек (современная война различия полов не признаёт). И разумеется, безо всякой

проклятой рекрутчины, до сих пор позорящей нашу страну. Резерв на случай «большой войны» может готовиться безо всякой казарменной «дедовщины» (например, в форме сборов «гражданской гвардии»). А армия должна быть профессиональной, куда по конкурсу набираются счастливчики старше 21 года.

Эксперты дружно выступили против профанации у нас в общем-то разумного института бакалавров и магистров. Сначала бакалавр, потом специалист — это из истории щедринского города Глупова. На самом деле бакалавриат (2/3 выпускников колледжа, пожелавших продолжать образование) — это два года работы над диссертацией (плюс лекции, семинары и сдача минимумов на более высоком уровне) и столько же производственной практики по месту будущей работы. Магистратура (четверть студентов) — это ещё два плюс два года. Наконец, докторантура (несколько процентов) — это ещё такая же порция. С тем, чтобы все эти мытарства заканчивались самое позднее к 26–28 годам жизни и чтобы мир больше не покатывался со смеху над нашими «соискателями» предпенсионного и даже глубоко пенсионного возраста.

Говорили эксперты и про никудышную у нас подсистему повышения квалификации и переподготовки кадров (хотя все знают, что любые получаемые знания ныне стареют за считанные годы), и про подсистему общего образования взрослых (давно более не существующую, но по-прежнему остро необходимую), и про подсистему так называемого дополнительного образования, которая может и должна стать не дополнительной в виде густой сети школьных клубов по интересам. Но больше всего говорилось о порочности образования огулом — «всех под одну гребёнку». Разве не ясно, что учащийся должен иметь право выбирать между несколькими программами — базовой, «про-

двинутой», «профессиональной» либо одной из десятков коррекционных (например, для слабо видящих или слышащих), либо вовсе даже «ознакомительных» (скажем, учебник по высшей математике для тех, кто, как автор статьи, абсолютно к ней неспособен).

Не секрет, что наша школа слишком консервативна, чтобы принять без боя такие нововведения. Сказывается и подготовка учителей, и косность родителей, готовых в гроб положить любимое дитя, лишь бы оно принесло медаль, как кутёнок с выставки собак (в глазах родителей никакой разницы между этими двумя их любимцами нет), а затем любой ценой — любой! — пресловутые «корочки», чтобы сделать короче путь к престижной синекуре. Но ныне научно-технический прогресс позволяет обойти с тыла косность и учителей, и родителей. Мы имеем в виду Интернет, открывающий перспективу индивидуального подхода к каждому — буквально к каждому! — учащемуся, сообразно его склонностям и способностям.

Говорят, чтобы успешно одолеть кошмарные глобальные проблемы современности, необходим переход к качественно новой цивилизации, альтернативной существующей. Так вот, может быть, в состав этой последней может органически войти система образования, альтернативная огорчающей нас ныне своими пороками?

Для ответа на этот вопрос в системе секций Педагогического общества России недавно создана Секция проблем заочного и дистантного образования (на базе Интернета, но, разумеется, не только на ней одной).

Посмотрим, каковы будут рекомендации после соответствующих разработок членов этой секции.